

**ЛОИС
МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД**

ЭТАН С АФОНА

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Макмастер Буджолд

Этан с Афона

«Издательство АСТ»

1986

Буджолд Л.

Этан с Афона / Л. Буджолд — «Издательство АСТ»,
1986 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

ISBN 5-17-025426-1

Уже несколько столетий на планете Эйтос живут одни мужчины, спасаясь от порочной галактической цивилизации. Доктор Этан Эйтос отправляется со спецзаданием в Большой мир... Действительность оказалась страшнее любых кошмаров: он встретился с Элли Куин – мало того, что женщиной, так еще и капитаном разведки знаменитых дендарийских наемников адмирала Нейсмита...

ISBN 5-17-025426-1

© Буджолд Л., 1986
© Издательство АСТ, 1986

Содержание

Этан с планеты Эйтос	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Этан с планеты Эйтос

*Самым первым читателям:
Ди, Дэйву, Лауре, Барбаре, Р. Дж., Уэс
и терпеливым дамам из М.А. W.А.*

Глава 1

Роды протекали нормально. Чуткими пальцами врача Этан коснулся крохотной иглы и вынул ее из зажима.

– Гормональный раствор «С»! – приказал он стоящему рядом ассистенту.

– Готово, доктор Эркхарт.

Этан соединил впрыскиватель с круглой муфтой иглы, ввел строго отмеренную дозу и проверил действие: плацента ровно напряглась и начала отделяться от питательного ложа, поддерживавшего ее в течение девяти месяцев. Итак, последние секунды!

Быстро взломав пломбы и откинув крышку контейнера, он провел виброскальпелем по мягкому переплетению микроскопических трубок обмена. Рыхлая масса отделилась; ассистент убрал ее в сторону и перекрыл кран, через который подавалось кислородное питание. Лишь несколько желтых прозрачных капель бусинками скатились по затянутым в перчатки рукам. Этан был доволен: стерильность безупречная, и скальпелем он поработал так тонко, что под трубками на серебристой околоплодной сумке не осталось ни единой царапины. Внутри нее нетерпеливо извивалось розовое тельце.

– Сейчас, сейчас, – ободряюще проговорил Этан.

Еще одно движение скальпеля – и вот он держит влажного розового младенца, покинувшего свое первое жилище.

– Отсос!

Ассистент подал «грушу», и Этан очистил от слизи рот и нос младенца, прежде чем тот сделал свой первый вдох. Новорожденный вздрогнул, пронзительно закричал, моргнул и тихонько загулил в ласковых и надежных руках. Ассистент подкатил колыбель. Уложив мальчика под теплый свет, Этан зажал и перерезал пуповину.

– Ну вот, малыш, теперь ты у нас самостоятельный!

К маточному репликатору, который девять месяцев надежно оберегал и растил плод, немедленно подскочил техник. Многочисленные индикаторы, мигавшие на поверхности машины, погасли, и техник принялся выволакивать ее из ряда таких же аппаратов, чтобы отправить вниз для стерилизации и перепрограммирования.

Этан повернулся к отцу ребенка:

– Отличный вес, отличный цвет, отличные рефлекссы! Я бы поставил вашему сыну пять с плюсом.

Мужчина широко улыбнулся, втянул носом воздух, рассмеялся и неловко утер слезу, блеснувшую в уголке глаза.

– Это чудо, доктор Эркхарт!

Этан улыбнулся:

– Чудо, которое у нас, в Севарине, случается каждый день.

– Неужели вам никогда это не надоедает?

Этан еще раз взглянул на крошечное существо, сжимавшее кулачки и сучившее ножками в колыбели.

– Нет. Никогда...

Этана беспокоил эмбрион СДБ-9. Шагая по тихим, чистым коридорам районного Репродукционного Центра Севарин, он торопился. Он специально пришел пораньше, до начала смены, чтобы принять роды. Последние полчаса ночной смены всегда бывали самыми суматошными – в бешеном темпе вводились в курс дела вновь прибывшие, лихорадочно заполнялись регистрационные журналы. Спать Этану не хотелось, но перед тем как зайти в кабинет начальника ночной смены, он остановился у кофейного автомата и налил две чашки черного кофе.

Джеорос, приветливо махнув рукой, потянулся за чашкой.

– Спасибо. Как отдохнул?

– Замечательно. Младший братик попросил у себя в части недельный отпуск, и мы решили съездить для разнообразия домой. Это в Южной Провинции. Старик обрадовался как малое дитя. Братца, кстати, повысили – теперь он первая пикколо в полковом оркестре.

– Он что, хочет остаться, когда отслужит свои два года?

– Похоже, что да. По крайней мере еще года на два. Там он занимается музыкой, это ему действительно интересно, да плюс ощутимая прибавка к соцкредиту, что тоже ему совсем не повредит.

– М-м-м, – согласно промычал Джеорос. – Южная Провинция, говоришь? А я-то все гадаю, почему ты к нам не заглядываешь.

– Для меня удрать из города – единственная возможность отдохнуть спокойно, – уклончиво ответил Этан и принялся разглядывать ряды датчиков. Начальник ночной смены погрузился в размышления, прихлебывая кофе и поглядывая поверх чашки на коллегу. Повисло то самое неловкое молчание, когда говорить больше не о чем.

На экраны поступала информация о первом блоке репликаторов. Этан переключил датчики на шестнадцатый блок, где находился эмбрион СДБ-9.

– Ах черт! – выругался он и тяжело вздохнул. – Этого-то я и боялся...

– М-да... – сочувственно промычал Джеорос. – Абсолютно нежизнеспособен, тут и говорить не о чем. Прошлой ночью я провел акустическое сканирование – куча клеток и ничего больше.

– О Боже-Отче! Они что, раньше этого не видели? Почему не задали новый цикл? Есть ведь и другие желающие!

– Мы еще не получили разрешения отца на погашение эмбриона. – Джеорос откашлялся. – Роучи назначил ему встречу с тобой на сегодня на утро.

– А... – Этан досадливо поморщился и взерошил короткие черные волосы, нарушив профессиональную строгость прически. – Напомни, чтоб я поблагодарил дорогого шефа. Какую еще грязную работенку ты для меня припас?

– Ну, одна генетическая накладка в Б-5 – похоже, ферментный дефицит. Мы подумали, что ты сам захочешь этим заняться.

– Правильно подумали.

И начальник ночной смены перешел к текучке.

* * *

На встречу с отцом эмбриона СДБ Этан чуть было не опоздал. Делая утренний обход, он вошел в репликаторное отделение, где обнаружил дежурного техника, жизнерадостно отплясывающего под разухабистую песенку «Не спи, не спи!». Хриплые, пронзительные звуки танцевального мотивчика, весьма популярного среди юных оболтусов, изрыгались стимул-динамиками. Этан заскрежетал зубами: такое громохание вряд ли годилось в качестве звуковой стимуляции роста зародышей. Отделение он покинул под плавную, убаюкивающую мелодию

классического гимна «Бог отцов наших, освети нам путь» в исполнении Объединенного Братского Камерного Оркестра. Приунывший техник демонстративно зевал.

В другом отделении он обнаружил блок репликаторов, в котором концентрация токсинов, смытых обменным раствором, достигла семидесяти пяти процентов. Дежурный сказал, что ждет, пока концентрация поднимется до восьмидесяти, чтобы заменить фильтры, как положено по инструкции. Этан убедительно и доходчиво объяснил ему, в чем состоит разница между минимумом и оптимумом, и сам проследил за сменой фильтров. Уровень снизился до более разумных сорока пяти процентов.

Вызов секретаря прервал на самом интересном месте лекцию, которую Этан читал технику по поводу точного оттенка желто-лимонного хрустального блеска, характеризующего кислородно-питательный раствор в стадии готовности. Он опрометью помчался на офисный этаж и остановился у двери, переводя дух и решая, что будет уместнее: предстать перед клиентом в роли солидного представителя Центра или войти сразу, не заставляя его ждать. Наконец, еще раз глубоко вздохнув, Этан изобразил приятную улыбку и толкнул дверь. Золотая надпись на матово-белой табличке гласила: «Д-р Этан Эрхарт, зав. отделом репродуктивной биологии».

– Брат Хаас? Я доктор Эрхарт. Нет-нет, сидите, почувствуйте себя как дома, – добавил он, когда посетитель, нервно вскочив на ноги, почтительно закивал. Ощущая какую-то дурацкую скованность, Этан обошел его боком и сел за свой стол.

Мужчина был огромен, как медведь. Красное от солнца и ветра лицо; большие сильные руки, задубевшие от мозолей.

– Я думал, вы постарше, – пробасил он, глядя на Этана.

Этан потрогал свой выбритый подбородок, но, опомнившись, быстро отнял руку. Будь у него борода или хотя бы усы, его перестали бы принимать за двадцатилетнего юнца, при его-то шести футах роста!.. Лицо брата Хааса обрамляла двухнедельная бородка, убогая по сравнению с роскошными усами – принадлежностью родителя-очередника. Уважаемый гражданин... Этан вздохнул.

– Садитесь, пожалуйста, – повторил он, указывая на стул.

Мужчина опустил на самый краешек, в нескрываемом волнении комкая свой головной убор. Его парадный костюм был мешковат и немоден, однако старательнейшим образом вычищен и выглажен. Этан мимоходом подумал, сколько же времени пришлось бедняге драить ногти, чтобы не оставить ни малейшего намека на грязь!

– Так это самое, доктор... – начал брат Хаас, шлепнув себя кепкой по бедру, – что-нибудь с моим сыном?

– Э-э-э... разве вас ни о чем не информировали по комму?

– Нет, сэр. Просто велели приехать. Так я выписал автомобиль с общинной мотостанции и вот, приехал.

Этан бросил взгляд на досье, лежавшее у него на столе.

– Значит, сегодня утром вы проделали путь от Хрустальных Ручьев? Дальняя дорога...

Бородач улыбнулся:

– Я фермер. Привык вставать рано. Да разве ж это в тягость, когда для сына! Мой первенец, знаете... – он погладил отрастающую бороду и засмеялся. – Ну, я думаю, вы понимаете.

– А как вы оказались в Севарине, если у вас в Лас-Сэндесе есть собственный Центр?

– Это из-за СДБ. В Лас-Сэндесе мне сказали, что у них ни одной нет.

– Понятно. – Этан откашлялся. – Вы выбрали именно эту культуру по каким-то особым причинам?

Фермер утвердительно кивнул.

– Я так решил после одного случая, во время прошлой уборочной. Один мой приятель как-то подвернулся под молотилку – и нет руки. На ферме такое случается. А потом ему говорят: если б раньше к врачу, то могли бы спасти. Община наша растет, скоро новой земли

добавят. Нам нужен свой врач, собственный. Всем известно, что из СДБ получаются хорошие врачи. Кто знает, когда еще я наскребу соцкредитов на второго сына или третьего? Так что я хотел получить самого-самого.

– Не все врачи вышли из СДБ, – заметил Этан, – и, уж, конечно, не все, кто вышел из СДБ, стали врачами.

Хаас улыбнулся – вежливо, но скептически.

– А сами-то вы кто, доктор Эркхарт?

– Ну... да, – замялся Этан, – действительно, я СДБ-8.

Фермер удовлетворенно кивнул с видом человека, которого не проведешь.

– Я слышал, вы здесь самый лучший.

Он рассматривал Этана с жадным любопытством, как будто в чертах доктора ему уже виделся давно взлелеянный в мечтах облик сына.

Этан сложил руки «домиком», стараясь выглядеть доброжелательно и в то же время солидно.

– Так, ладно. Очень жаль, что они вам ничего не сообщили по комму. Ни к чему было держать вас в неведении. Как вы правильно догадались, у нас действительно возникли проблемы с вашим, э-э-э... плодом.

– Моим сыном, – насторожился Хаас.

– Н-нет. Боюсь, что нет. Не в это раз, – торопливо проговорил Этан, сочувственно склонив голову.

Хаас потупился, сжал губы и снова поднял взгляд, полный надежды.

– Может, еще не все потеряно? Я знаю, вы что-то делаете с генами. Если это дорого – ничего, братья по общине мне помогут, я расплачусь с ними, потом...

Этан покачал головой:

– Существует лишь около тридцати стандартных нарушений, с которыми мы в состоянии справиться, – некоторые формы диабета, например. Их можно устранить с помощью комбинации генов в небольшой группе клеток, если застать процесс в начальной стадии. Иногда удастся отфильтровать больные клетки вместе с дефектными X-хромосомами из образца спермы. Есть также множество способов предварительной диагностики, проводимой еще до того, как зародышевый пузырь будет помещен в репликатор и начнет формирование плаценты. Как правило, мы берем одну клетку и прогоняем ее через систему автоматической проверки. Однако система обнаруживает лишь те нарушения, на которые она запрограммирована, – около сотни наиболее частых дефектов. Не исключена возможность, что она пропустит нечто редкое или трудноуловимое, таких случаев бывает до полудюжины за год. Так что вы не одиноки. Такой эмбрион мы обычно убираем и оплодотворяем другую яйцеклетку. Это самое разумное решение, и на все уходит не более шести дней.

– Значит, все начинать заново... – вздохнул Хаас и поскреб подбородок. – Говорил же мне Дэг, что это плохая примета – отпускать отцовскую бороду раньше времени! Так оно, видно, и есть...

– Это всего лишь отсрочка, – подбодрил Этан сникшего фермера. – И, поскольку причина нарушений была в яйце, а не в сперме, Центр не возьмет с вас оплату за этот месяц, – добавил он, делая соответствующую пометку в досье.

– Так что мне теперь – опять идти в родительскую палату, сдавать новый образец? – покорно спросил Хаас.

– Да, перед отъездом вам следует это сделать. Тогда нам не придется вас лишний раз беспокоить. Но есть еще один маленький вопрос, который нам нужно решить сейчас же. – Этан почувствовал, что краснеет. – Боюсь, мы больше не сможем предоставить вам формулу СДБ.

– Но ведь я приехал из такой дали только ради СДБ! – запротестовал Хаас, сжимая увесистые кулаки. – Черт возьми, я имею право выбора! Почему это вы не сможете?

– Понимаете... – Этан помолчал, подбирая слова. – Дело в том, что с СДБ ваш случай далеко не первый. К сожалению, в последнее время эта культура начала... ну, как бы стареть. Мы действительно очень старались – все яйцеклетки, произведенные за неделю, шли только на ваш заказ. – Не стоит говорить Хаасу, сколь ужасающе мизерна была эта продукция. – Мы прилагали все усилия – и я, и лучшие техники, отчасти потому, что это был, пожалуй, последний шанс: из всех зародышей только один оказался жизнеспособным после того, как началось деление клеток. А потом СДБ перестала работать. Боюсь, окончательно.

Хаас вздохнул так тяжело, словно из него выпустили воздух, и вновь загорелся решимостью.

– А у кого она есть? Плевать, если придется ехать через весь континент. Мне нужна только СДБ!

И почему упорство считается положительной чертой характера? – мрачно размышлял Этан. Просто глупость и занудство... Он собрался с духом и сказал то, о чем надеялся как-нибудь умолчать:

– Боюсь, брат Хаас, больше ее нет ни у кого. Наша культура СДБ была последней действующей на Эйтосе.

Хаас был обескуражен вконец.

– СДБ больше нет? А откуда ж мы теперь будем брать врачей, медперсонал и...

– Гены СДБ не утрачены, – перебил его Этан. – Повсюду на планете живут люди, которые носят эти гены в себе, и они передадут их своим сыновьям.

– Так что ж с ней случилось-то, с этой культурой? Почему она больше не работает? – не унимался Хаас. – Ее не это... не отравили или еще чего? Может, какие-нибудь вредители, оттуда...

– Нет, нет! – воскликнул Этан. О боги, из-за подобных слухов разразится такой скандал! – Все это совершенно естественно. Первая культура СДБ была завезена на Эйтос Отцами-основателями, когда планета еще только заселялась. Стало быть, сейчас ей почти двести лет. Два века безупречной службы. Она уже дряхлая. Износилась и выдохлась. Ее жизненному циклу пришел конец. Она и так прослужила в двадцать раз дольше, чем если бы находилась в... ой... – ладно, он врач, для него это не ругательство, а лишь точный медицинский термин, – ...в женщине!

Не дожидаясь, пока фермер найдет новое возражение, он поспешно продолжил:

– Поэтому, брат Хаас, у меня есть к вам одно предложение. Мой лучший медтехник, великолепный, добросовестный работник – ДДИ-7. Севарин располагает сейчас отличной культурой ДДИ-8, и она к вашим услугам. Я и сам был бы не прочь иметь сына от ДДИ, если бы... – Этан оборвал себя, чтобы не увязнуть в болоте личных проблем, да еще на глазах у клиента. – Я думаю, вы останетесь очень довольны.

Уговаривать пришлось долго, но в итоге брат Хаас все-таки отправился сдавать новый образец в отцовскую палату – ту самую, куда он входил месяц назад с такими надеждами. Этан наконец перевел дыхание. После ухода клиента у него разболелась голова, и он принялся тереть виски, чтобы умерить боль, но вместо этого, кажется, лишь разогнал ее по всему черепу. Еще одна логическая связь...

Что же касается яйцеклеточных культур, то все они происходили от тех изначальных, что были завезены на Эйтос Отцами-основателями. В Репродукционных Центрах это уже более двух лет ни для кого не было секретом – еще немного, и факт обретет широкую огласку. СДБ была не первой, погибшей за последнее время. Шестьдесят процентов зародышей, развивавшихся в мягких, уютных гнездах репликаторов, происходили сейчас всего-навсего из восьми культур. В следующем году, если его тайные прогнозы оправдаются, положение будет еще хуже. Сколько же времени осталось до того, как они больше не смогут обеспечить рост или хотя бы

простое воспроизводство населения? Этан застонал, вообразив, как безработным бродит по улицам – конечно, если прежде его не разорвут в клочья взбешенные толпы несостоявшихся медведеподобных папаш...

Но нет, нельзя предаваться унынию! Они непременно что-нибудь придумают, и все будет хорошо. Все просто должно быть хорошо...

Прошло уже три месяца с тех пор, как Этан вернулся из отпуска, но его все чаще преследовали неудачи, приобретающие поистине зловещую регулярность. Еще одна яйцеклеточная культура, ЛМС-10, свернулась и погибла окончательно, а производительность ЕЕХ-9 сократилась наполовину. Новая потеря в ближайшем будущем.

Надежда на прорыв возникла неожиданно, а ее провозвестником стал сигнал комма.

– Этан? – Голос Деброучеса звенел от волнения, на лице его читалось скрытое ликование, уголки губ, обрамленных черной лоснящейся бородой и пышными усами, лукаво подергивались. Это выражение не имело ничего общего с той угрюмой миной, которая весь последний год грозила прирасти к его лицу. Заинтригованный Этан положил микрокапельницу на лабораторный стол и подошел к экрану.

– Да, сэр?

– Я бы хотел, чтобы ты немедленно явился ко мне в кабинет.

– Но я только что приступил к оплодотворению.

– Значит, как только закончишь, – смилостивился Деброучес, царственно взмахнув рукой.

– Что-нибудь случилось?

– Вчера прибыл ежегодный почтовый корабль. – Деброучес ткнул пальцем вверх, хотя единственная космическая станция Эйтоса, выведенная на синхронную орбиту, висела над другим квадрантом планеты. – Есть почта. Твои журналы были одобрены Цензорским Советом, у меня на столе вся подписка за прошлый год. И еще кое-что...

– Еще кое-что? Но я заказывал только журналы...

– Это предназначается не только для тебя. Для всего Центра. – Деброучес сверкнул белой улыбкой. – Заканчивай и приходи.

Экран погас.

Ну дела!.. Прошлогодня подписка «Бетанского журнала репродуктивной медицины», приобретенная по бешеной цене, хотя и представляла необычайный интерес, все же вряд ли могла быть причиной ликования, плясавшего в черных глазах Деброучеса. Быстро, но педантично закончив работу, Этан поместил контейнер в инкубационную камеру (откуда через шесть-семь дней, если все пойдет нормально, бластулу перенесут в один из репликаторов, находящихся за стеной) и стрелой помчался вверх, в кабинет шефа.

Двенадцать дискет с яркими наклейками действительно возвышались аккуратной стопкой на углу огромного стола. Второй угол занимало голографическое изображение двух чернявых мальчишек на пегом пони. То и другое Этан удостоил лишь беглого взгляда – всем его вниманием мгновенно завладела большая морозильная камера, стоявшая в самом центре. Индикаторы на ее контрольной панели светились ровным, умиротворяющим зеленым светом.

«Концерн Бхарапутра и Сыновья, Биологическая продукция, Архипелаг Джексона» – значилось на багажной этикетке. «Содержание: Замороженная ткань, яичниковая, человеческая, 50 единиц. Хранить в системе теплообмена, не загромождать. Этим концом вверх».

– Мы их получили! – воскликнул Этан. Он сразу все понял и от радости захлопал в ладоши.

– Да, наконец-то, – усмехнулся Деброучес. – Черт возьми, Совет Населения устроит сегодня роскошный банкет! Фу-ух! Как вспомнишь, сколько мы искали этих поставщиков, а

потом еще вся эта возня с валютой, обменами. Иногда я даже думал, что нам придется послать туда какого-нибудь беднягу.

Этан передернул плечами и засмеялся:

– Бр-р! Благодарение Богу-Отцу, никому из нас не пришлось пройти через это! – Он благоговейно провел пальцами по большой пластиковой коробке – Скоро на Эйтосе появятся новые лица.

Деброучес ответил задумчивой, но довольной улыбкой.

– Конечно. Кстати, доктор Эркхарт, они все твои. Оставь текучку техникам, а сам займись размещением новых образцов. Сейчас это важнее всего.

– Не могу с вами не согласиться.

Вернувшись с драгоценным грузом в лабораторию, Этан бережно опустил камеру на скамью и установил терморегулятор на режим медленного оттаивания. Теперь остается только ждать. Сегодня он разморозит двенадцать единиц; они заполнят новой жизнью агрегаты поддержания культур, стоявшие холодными и пустыми. А с разморозкой остальных тканей придется повременить, пока инженерная служба не установит вдоль второй стены дополнительный блок агрегатов. Он усмехнулся, представив, какой суматохой сменится в ближайшие дни спокойная жизнь наладчиков. Ничего, немного физических упражнений им не повредит.

В ожидании разморозки Этан решил просмотреть бетанские журналы. С того дня, как его назначили заведующим отделением (это произошло в прошлом году), его цензурный статус вырос до уровня допуска «А». Сейчас ему предоставилась первая возможность воспользоваться этим, проверить свои убеждения на зрелость, без которой просто опасно иметь дело с самыми что ни на есть настоящими, неурезанными галактическими публикациями. Этан поколебался, облизал губы и заставил себя доказать, что действительно заслужил это доверие.

Он взял наугад одну дискету, вставил ее в считывающее устройство и вызвал перечень статей. Их оказалось около тридцати, и большинство освещало проблемы репродукции в живом женском организме. Это его не удивило, хотя и несколько разочаровало, поскольку такого рода информация на Эйтосе была совершенно бесполезна. Этану хватило целомудрия, чтобы побороть желание заглянуть в них. Но все же нашлось в журнале и кое-что интересное: статья по ранней диагностике скрытого рака сосудов и еще одна, просто находка: «О повышении проницаемости обменных мембран в маточном репликаторе». Маточный репликатор был когда-то изобретен на известных технических достижениях колонии Бета и использовался там в тех случаях, когда донашивание плода представляло опасность для здоровья матери. Большинство открытий и усовершенствований, даже по прошествии стольких лет, заимствовались Эйтосом именно с Беты – факт, приветствуемый далеко не всеми.

Этан вызвал статью на дисплей и прочел ее с большим интересом. В целом весь фокус сводился к какой-то дьявольски хитроумной смеси липопротеинов и полимеров, что приятно расшевелило пространственное воображение Этана. На какое-то время он погрузился в подсчеты, во что обойдется повторение такого опыта у них, в Севарине. Надо бы потолковать об этом с главным инженером...

Между делом, продолжая подсчитывать, он вызвал список авторов. Статья «О повышении...» поступила из университетской клиники некоего Силика. Этан не был силен в космической географии, но, судя по названию, речь шла о городе, а не об орбитальной станции. В чью же светлую голову пришла эта замечательная мысль?

«Кара Бертон, д-р медицины и философии, Элизабет Нейсмит, магистр естественных наук, биоинженер». И тут до Этана дошло, что с экрана на него смотрят два самых странных лица, какие он когда-либо видел.

Лица были безбородыми, как у мужчин, еще не ставших отцами, или как у мальчиков, но лишённые юношеской прелести. Эти бледные лица с тонкими, изысканными чертами были отмечены печатью времени и избороджены морщинами. В волосах инженера пребыва-

лась седина; доктор медицины казалась бесформенной в своем бледно-голубом лабораторном халате.

Этан затрепетал в предчувствии безумия, которое вот-вот нахлынет на него от взгляда этих неподвижных медузых глаз... Но почему-то разум не спешил покидать его. Он с удивлением разжал пальцы, впившиеся в край стола. Может быть, то массовое помешательство, которым охвачены мужчины в галактике, ставшие рабами этих существ, вызывается лишь их присутствием, так сказать, во плоти? Какая-нибудь неуловимая телепатическая аура?.. Собравшись с духом, он взгляделся в странные лица.

Да. Это женщина. Точнее, две женщины. Этан проанализировал свою реакцию и, к величайшему облегчению, не обнаружил у себя никаких нарушений психики. Безразличие, даже легкое отвращение... Пагуба созерцания не увлекла душу в бездну греха, если, конечно, предположить, что душа у него имеется, а подобной возможности Этан не исключал. Разочарованно выключив дисплей, он решил, что на сегодня психологических тестов достаточно, и отложил дискету.

Температура в морозильной камере уже почти достигла нужной отметки. Он приготовил две ванны с буферным раствором и поставил их на охлаждение. Надел изоляционные перчатки, сломал пломбы, поднял крышку...

Что это? Оберточная бумага? Оберточная бумага?!

Он изумленно уставился в камеру. Каждый образец ткани должен храниться отдельно от других, в собственной стерильной ячейке – элементарное и непреложное правило! Но эти странные серые кусочки упакованы, как мясо для ленча. От ужаса сердце у него словно ухнуло в пустоту...

Стоп, стоп, только без паники! Может, это какая-нибудь новая галактическая технология, о которой он еще не знает? Этан осторожно обследовал камеру на предмет инструкций, позволив себе даже покопаться среди пакетов. Ничего. Совсем ничего...

Он еще долго взирал на серые свертки, пока наконец не понял, что это вовсе не клеточная культура, а сырье, из которого ее производят. Решили, что культуру изготовит сам заказчик? Этан слотнул. Что ж, в этом нет ничего невозможного, уверил он себя.

Он отыскал ножницы, вскрыл верхний пакет и, вывалив содержимое в кювету, принялся рассматривать его с некоторым беспокойством. Может, следует измельчить образец для лучшего проникновения питательного раствора? Нет, пока рано, в замороженном состоянии это может разрушить клеточную структуру. Пусть сначала оттаят.

Движимый растущей тревогой, Этан перешел к изучению остальных пакетов. Странно, странно... Было здесь нечто глянцевитое и круглое, по размеру раз в шесть крупнее обычных яичников. Другое нечто, отвратительного вида, походило на кусок фермерского сыра. Заподозрив неладное, Этан пересчитал пакеты. Тридцать восемь. А эти здоровенные на самом дне? Как-то раз, во время службы в армии, он вызвался в наряд помогать мясникам – его уже тогда занимала сравнительная анатомия. Догадка громом поразила его.

– Да ведь это... – выдохнул он сквозь зубы, – да ведь это коровьи яичники!

Осмотр был весьма тщательным и продолжался до самого вечера. Когда он закончился, лаборатория выглядела так, словно здесь упражнялась в препарировании целая орава студентов-зоологов. Зато теперь все стало совершенно ясно.

В кабинет заведующего он вломился без стука, сжимая кулаки и пытаясь хоть как-то восстановить дыхание.

Деброучес как раз одевался, собираясь уходить; в его глазах играл отсвет от голограммы – покидая кабинет, он выключал ее в самую последнюю очередь.

– Боже мой, Этан, что случилось?!

– Хлам, мусор, отбросы! Сувениры от патологоанатома! Четверть всего – сплошные метастазы, половина атрофирована, и пять коровьих яичников, черт бы их побрал! И вся эта мерзость абсолютно мертва!

– Что?! – Деброучес схватился за сердце. – Ты все разморозил по правилам? Ты не...

– Пойдите посмотрите. Просто посмотрите, – прошипел Этан и, уже повернувшись, бросил через плечо: – Не знаю, сколько Совет Населения заплатил за это дерьмо, но нас здорово облапошили!

Глава 2

– Возможно, – с надеждой сказал старший делегат от Лас-Сандеса, – это просто какое-то недоразумение. Может, они решили, что материал предназначен для студентов-медиков.

Совет Населения был в полном сборе. Сидя на экстренном совещании, Этан гадал, зачем Роучи позвал его сюда. В качестве свидетеля-эксперта? В другое время пышность обстановки привела бы его в священный трепет: роскошный мягкий ковер, длинный стол из драгоценного дерева, великолепный вид на столицу и суровые, бородатые лица старейшин, отражавшиеся в полированной столешнице. Но сейчас доктор Эркхарт был так зол, что едва замечал и стол, и самих старейшин.

– Все равно это не объясняет, почему там было тридцать восемь единиц, если на коробке значилось пятьдесят, – перебил он докладчика. – И потом, эти проклятые коровьи яичники! Они что – думают, мы здесь минотавров разводим?

– А наша коробка вообще оказалась пустой, – задумчиво вставил младший делегат от Делиры.

– Тьфу! – вскипел Этан – Это же явное надувательство! Тут не может быть речи ни об ошибке, ни...

Недовольным жестом Деброучес приказал ему сесть. Этан подчинился.

– Не иначе как злостный саботаж! – все же закончил он свою мысль на ухо шефу.

– Позже, – пообещал Деброучес – Мы к этому еще вернемся.

Председатель зачитал официальные уведомления от всех девяти Центров, положил их на стол и вздохнул.

– Какого дьявола мы выбрали именно этих поставщиков? – спросил он. Разумеется, чисто риторически.

– У них были самые низкие цены, – буркнул председатель комиссии по делам поставок. Положив голову на руки, он гипнотизировал стакан воды, в котором, шипя, растворялись две таблетки болеутоляющего.

– И вы посмели измерить будущее Эйтоса самой низкой ценой?! – взорвался кто-то из делегатов.

– Вы же все до единого согласились, или не помните? – ответил главный снабженец, выйдя из оцепенения. – Даже сами настаивали на этом варианте, когда выяснилось, что другие дадут нам за те же деньги только тридцать единиц. Пятьдесят разных культур для каждого Центра – да вы все чуть не описались от радости, насколько мне помнится!

– Господа, господа, давайте не будем отвлекаться, – вмешался председатель. – У нас нет времени на поиски правых и виноватых. Необходимо срочно принять решение. Через четыре дня почтовый корабль покидает орбиту, и если мы ни до чего не додумаемся, придется ждать еще год.

– Пора бы нам обзавестись собственным кораблем, – заметил еще один делегат. – Сколько можно полагаться на чью-то милость и зависеть от их графика!

– Да военные уже сколько лет просят о том же! – встрял другой.

– Ну, и какой из Репродукционных Центров мы заложим, чтобы обзавестись собственной флотилией? – саркастически поинтересовался третий. – Оборона и мы – две самые большие статьи бюджета после сельского хозяйства, которое кормит наших детей. И вы хотите встать и заявить людям, что детский рацион придется урезать наполовину, чтобы подарить этим шутам гору игрушек, абсолютно ничего не дающих экономике?

– Пока не дающих, – упрямо фыркнул первый.

– Не говоря уже о технологиях, которые нам приходится импортировать. А что, скажите на милость, мы можем продать? Все наши излишки уходят на...

– Значит, пусть корабли сами себя окупают! Если бы мы их имели, то смогли бы что-нибудь продавать и зарабатывать достаточно галактической валюты, чтобы...

– Расширение контактов с этой извращенной цивилизацией в корне противоречит замыслу Отцов-основателей, – возразил четвертый делегат. – Они избрали эту планету вдали от всех магистралей именно для того, чтобы оградить нас от соблазнов...

Председатель резко постучал по столу.

– Оставьте эти дебаты Генеральному Совету, господа. Сегодня мы собрались, чтобы обсудить конкретную проблему, и причем обсудить – срочно.

Его раздраженный тон не располагал к дальнейшим дебатам. Все деловито выпрямились и зашуршали бумагами.

Молчание нарушил младший делегат от Барки, подталкиваемый своим начальником.

– Я думаю, – откашлявшись, начал он, – можно решить эту проблему, не прибегая к посторонней помощи. Мы могли бы вырастить собственные культуры.

– Так в том-то и дело, что наши культуры больше не растут! – прервал его другой.

– Нет-нет, это я и сам прекрасно понимаю! – загорячился представитель Барки, такой же зав-штатом, как и Деброучес. – Я хотел сказать... – он еще раз откашлялся, – что надо вырастить женские эмбрионы. Их даже не требуется выдерживать весь цикл, можно просто использовать для яйцеклеточного материала и все начать заново.

За столом снова воцарилось молчание, на сей раз негодующее. Председатель скривился так, будто съел ломтик недозрелого лимона. Делегат от Барки поспешил сесть.

– Мы еще не в таком отчаянном положении, – наконец произнес председатель. – Хотя, наверное, хорошо, что вы заговорили о том, о чем остальные тоже рано или поздно подумали бы.

– Это совсем не обязательно предавать огласке, – воспрял духом молодой вольнодумец.

– Надо полагать, – сухо согласился председатель. – Ваше предложение принято к сведению, и в протоколе на этот пункт будет наложен гриф секретности. И все же я должен заметить, что данное предложение не решает важнейшей проблемы, уже несколько лет стоящей перед Советом и Эйтосом: поддержание генетического разнообразия. На нашем поколении его недостаток еще не сказался, но все мы знаем, к чему он может привести впоследствии... – Голос председателя смягчился. – Мы не имеем права закрывать глаза на эту проблему и ставить под удар будущее наших внуков.

Эта благоразумная речь понравилась всем. Приободрился даже делегат от Барки.

– Нам могла бы помочь иммиграция, – подключился очередной делегат, который одну неделю в году выполнял обязанности главы Департамента Иммиграции и Натурализации Эйтоса. – Если бы дела шли получше...

– А сколько иммигрантов прибыло на этом корабле? – спросил его визави.

– Трое.

– Черт! Что, всегда так мало?

– Нет, в позапрошлом году было только двое. А два года назад – и вовсе ни одного. – Завиммиграцией вздохнул. – По идее, беженцы должны были бы просто осаждать нас. Может, Отцы-основатели слегка перестарались, выбирая самую отдаленную планету? Иногда мне кажется, что о нас вообще никто не знает.

– А может, информацию о нас утаивают эти... ну, сами знаете кто.

– А вдруг тех, кто пытается к нам попасть, заворачивают на станции Клайн? – предположил Деброучес. – И только некоторым дают просочиться?

– Похоже на то, – согласился завиммиграцией. – Эти, что к нам прибывают, малость... как бы сказать?.. со странностями.

– Ничего удивительного, если вспомнить, что все они – продукты... э... травматического генезиса. В этом нет их вины.

Председатель снова постучал по столу.

– Обсудим это после. Пока что мы сошлись на одном: необходимы инопланетные поставки тканевых культур...

Этан, из которого вышел еще не весь пар, разразился речью:

– Господа! Неужели вы опять хотите связаться с этими живодерами?!

Деброучес дернул его за пиджак и усадил на место.

– ...из более надежного источника, – закончил председатель и как-то странно посмотрел на Этана: не сердито, но с такой непонятной улыбкой, словно за ней что-то скрывалось. – Вы согласны со мной, господа делегаты?

По залу пробежал одобрителный ропот.

– Большинством голосов решение принято. Думаю, вы также согласитесь не повторять дважды одних и тех же ошибок: больше никаких котов в мешке. Следовательно, сейчас мы должны выбрать агента по закупкам. Прошу вас, доктор Деброучес.

Деброучес встал:

– Благодарю вас, господин председатель. Я обдумал этот вопрос. Разумеется, для того, чтобы правильно оценить, выбрать, упаковать и оттранспортировать культуры, наш агент должен превосходно разбираться во всей технической стороне дела. Среди нас таких немного, и это облегчает задачу. Затем – это должен быть человек с безупречной репутацией – не только потому, что в его руках окажется почти вся валюта, которую Эйтос собрал в этом году...

– Вся валюта, – тихо поправил председатель. – Генеральный Совет одобрил это сегодня утром.

Деброучес кивнул.

– ...но и потому, что он должен будет с честью противостоять всем тем соблазнам, – Деброучес нахмурился, – которые могут ему встретиться!

Женщинам, конечно, и тому, что они творят с мужчинами! Неужто Роучи сам набивается в добровольцы? – подумал Этан. Разумеется, всю биологическую кухню он знает как свои пять пальцев. Этан был восхищен отвагой шефа, хотя подобный апломб и граничил с бахвальством. Может, так и надо, чтобы подстегнуть себя? И все же ему не позавидуешь. Для Деброучеса целый год не видеть своих сыновей, в которых он души не чает...

– Также это должен быть человек, свободный от семейных уз, дабы забота о детях не легла чрезмерным бременем на плечи его партнера, – продолжал Деброучес.

Все бородачи важно закивали.

– И, наконец, это должен быть человек с такой энергией и убеждениями, чтобы ни одно препятствие, поставленное судьбой... или э-э-э... кем бы то ни было, не смогло сбить его с верного пути. – Рука Деброучеса твердо опустилась на плечо Этана; председатель, уже ничего не скрывая, улыбался во весь рот.

Слова поздравлений и сочувствия, приготовленные для шефа, застряли у Этана в горле. На языке вертелась теперь лишь одна короткая фраза: «Ну, Роучи, я тебе это еще припомню!»

– Итак, господа, я предлагаю доктора Эркхарта! – Деброучес сел и с отеческой улыбкой добавил, обращаясь к Этану: – Вот теперь можешь встать и высказаться.

Молчание в автомобиле, уносившем их назад к Севарину, было долгим и тягостным. Первым, чуть взволнованно, заговорил Деброучес:

– Так ты можешь подтвердить, что справишься с этим заданием?

Этан ответил не сразу.

– Вы все подстроили, – наконец проворчал он. – Состряпали все заранее вместе с председателем.

– Что поделаешь? Пришлось. Мне казалось, ты слишком скромн, чтобы выдвигать свою кандидатуру.

– Скромнен. Черта с два! Просто решили, что из-за угла меня легче будет пристукнуть!

– Я уверен, что ты наиболее подходящая кандидатура. А без моей подсказки – один Боже-Отче знает, кого бы выбрала комиссия. Может, этого идиота Фрэнклина из Барки. Ты хотел бы, чтобы будущее Эйтоса зависело от него?

– Нет! – поневоле согласился Этан и вдруг выпалил: – Да! Справлюсь! И чтобы духу его здесь не было!

Деброучес усмехнулся. В рассеянном свете, исходившем от пульта управления, сверкнули его белые зубы.

– И потом, подумай о соцкредитах, которые ты на этом заработаешь! Три сына и сбережения, которые при обычном положении вещей ты скопил бы только лет через десять, – и всего лишь за год. По-моему, это должно тебя вдохновить.

Этан вдруг с необычайной ясностью представил свой стол, а на нем – голограмму, наполненную жизнью и весельем. И, конечно, пони и солнце, и долгие каникулы под парусами... Споря с волнами и ветром, как учил его отец... И гам, шум, кутерьма в большом доме, звенящем новыми голосами... Но вслух он только мрачно заметил:

– Если у меня получится, и если я вернусь. В любом случае соцкредитов у меня и так хватает уже на полтора сына. Хотя это, конечно, ни черта не значит, пока они не раскошелятся на то, чтобы признать моего семейного партнера.

– Уж извини меня за откровенность, но именно такие люди, как твой молочный брат, заставляют государство так осторожничать с выделением дотаций, – сказал Деброучес. – Очаровательный молодой человек, но даже ты должен признать его абсолютную безответственность.

– Он просто еще молод, – неуверенно возразил Этан. – Ему нужно время, чтобы остепениться.

– Чепуха! Он, кажется, всего на три года моложе тебя? Никогда он не остепенится, пока будет сидеть у тебя на шее. Нашел бы ты себе лучше семейного партнера с сертификатом, а не дожидался, когда он появится у Яноса.

– Давайте оставим в покое мою личную жизнь, ладно? – огрызнулся задетый за живое Этан и, не удержавшись, добавил: – Которую эта командировка, между прочим, разрушит окончательно! Спасибо вам за это огромное!

Сгорбившись на пассажирском сиденье, он уставился в ветровое стекло. Машина стрелой летела сквозь ночь.

– Могло быть и хуже, – сказал Деброучес. – Мы вполне могли припомнить твою армейскую специальность, оформить командировку по военному ведомству и послать тебя с жалованьем санитара. К счастью, ты верно оценил ситуацию.

– Я не думал, что вы блефуете.

– А мы и не блефовали. – Деброучес вздохнул и добавил уже серьезнее: – Мы выбрали тебя не случайно, Этан. В Севарине не так-то просто будет найти тебе замену...

Деброучес высадил Этана у дома, окруженного деревьями, и, напомнив, что в Центр следует явиться рано утром, умчался за город. Этан вяло помахал ему вслед. Четыре дня... Два – чтобы помочь старшему ассистенту разобраться в новых обязанностях, один – на утряску личных дел (может, составить завещание?) и еще один – на инструктаж Совета Населения в столице. А затем пожалуйста в космопорт. И за что только этот кошмар свалился на его голову?

Подходя к двери, он наткнулся на электромобиль Яноса, брошенный как попало между контейнерами с мукой. Как ни восхищало Этана то великолепное равнодушие, с которым его брат-идеалист относился к благам материальным, он не стал бы возражать, если б Янос научился беречь свои вещи, но об этом приходилось только мечтать.

Янос был сыном семейного партнера отца Этана. Их отцы растили сыновей вместе и вместе занимались бизнесом – экспериментальной и чрезвычайно прибыльной рыбной фермой в Южной Провинции. Все жизни в этой семье давно уже неразделимо слились в один безупречный сплав, и между братьями – родными и молочными – не делалось никаких различий. Этан – старший, эрудит, средоточие честолюбивых отцовских надежд; Стив и Станислав – появившиеся на свет с разницей в неделю из той же культуры, что и партнер их отца; Янос – остроумный и живой, как ртуть, малыш Брет прирожденный музыкант... Семья Этана. Он скучал по ней до боли: в армии, во время учебы и даже в Севарине, на своей новой работе, которая была слишком хороша, чтобы от нее отказаться.

Когда Янос последовал за ним в Севарин, с восторгом сменив фермерскую жизнь на городскую, Этан был очень доволен. Ничего, что это мешало его первым шагам в новом обществе. Несмотря на успешную карьеру, Этан был весьма застенчив и, втайне презирая холостяцкие пирушки, обрадовался поводу увильнуть от них. С Яносом они вновь возвратились к той близости, что напоминала обоим о беззаботных годах отрочества. И сейчас Этану хотелось окунуться в этот покой и забыть о страхе, который он пытался скрыть от Деброучеса под маской иронии.

В доме было темно и непривычно тихо. Этан быстро прошел по комнатам, заглянул в гараж.

Его флайер исчез! Модель, всего две недели назад изготовленная по спецзаказу, купленная на первые сбережения, долго и старательно выкраивавшиеся из жалованья. В сердцах он выругался, но вдруг вспомнил, что сам же собирался дать Яносу опробовать машину, когда пройдет очарование новизны. Слишком мало времени, чтобы ссориться из-за пустяков...

Он вернулся в дом, намереваясь лечь и как следует выспаться. Но нет, слишком мало времени! Он проверил комм. Никаких сообщений. Ну разумеется, ведь Янос собирался быть дома раньше него, это он точно помнил. Он попытался связаться с коммом флайера. Ответа не последовало. Немного поразмыслив, Этан улыбнулся, вошел в городскую сеть и набрал код. Маяк был одной из маленьких радостей этой модели-люкс, а вот и сама машина, припаркованная всего-навсего в паре километров от дома, в Сквере Основателей. Значит, Янос развлекается неподалеку? Ладно, гори синим пламенем все домашние привычки! Сегодня Этан присоединится к брату, ни слова не скажет о флайере и сразит наповал своим великодушием.

Ночной ветер играл его темными волосами и бодрил прохладой; на дребезжащем автомобиле Этан подъезжал к Скверу Основателей. Вдруг ужас пронзил его до самого сердца – он увидел желтые мигалки аварийных машин. О нет, Боже-Отче, только не это! Если «скорая помощь» оказалась рядом с Яносом, зачем же непременно думать, что между ними есть какая-то связь?

Так. Это не «скорая» и не городской патруль, а всего лишь пара гаражных тягачей. Этан несколько расслабился. Но на что же так зачарованно тарашится эта толпа? Он притормозил около шелестящих дубов и всмотрелся в густую крону, куда были обращены взоры зевак и белые лучи прожекторов.

Там, наверху, красовался его флайер, припаркованный к верхушке двадцатиметрового дуба.

Нет! Разбитый о верхушку этого проклятого дуба! Лопасты сломаны, крылья покорежены, дверцы висят над землей, открывая зияющее нутро, и... Этана едва не хватил удар, когда он увидел спасательные ремни, болтавшиеся под кабиной. Налетел порыв ветра, ветви зловеще закрипели, и толпа благоразумно расступилась. Этан кинулся осматривать мостовую. Ни кровинки...

– Эй, сударь, отошли бы вы лучше в сторону!

– Там мой флайер, – сказал Этан. – На этом чертовом дереве!

Он сам не узнал свой голос. С трудом оторвав взгляд от немыслимого зрелища, Этан подскочил к рабочему гаражу и схватил его за куртку.

– Парень, водитель флайера – где он?

– Водитель? Да его уж несколько часов, как увезли.

– В Центральную больницу?

– Да не-ет. Чего ему там делать? Это его приятель голову расшиб, так того домой отправили на «неотложке». А водитель, так тот песни горланил. В участке сейчас, наверное.

– Ах, сук...

– Вы владелец этого транспортного средства? – К Этану подошел мужчина в форме городского департамента озеленения.

– Да, я. Доктор Этан Эркхарт.

– Вы отдаете себе отчет, – продолжал представитель департамента, доставая квитанцию на штраф, – что этому дереву почти двести лет? Оно посажено самими Основателями, его историческая ценность огромна. А теперь оно расколото пополам!..

– Я ее зацепил, Фред! – донесся крик сверху.

– Давай спускайся!

– ...несете ответственность за ущерб...

Слова чиновника заглушил треск ломающихся ветвей, дружный вздох толпы и высокий нарастающий вой – антигравитационное устройство выбило из фазы.

– Ах черт! – раздался вопль с верхушки дуба. Зрители в панике разбежались.

Флайер грохнулся носом на гранитную мостовую. Сверкающе-алый корпус покрылся трещинами. В наступившей после грохота тишине Этан мог ясно различить деликатное попискивание дорогого электронного механизма, но и тот вскоре заглох.

Шаги гулко раздавались по коридору полицейского участка. Когда открылась дверь, Янос вздрогнул и обернулся.

– А, Этан, – жалобно сказал он. – У меня сегодня кошмарный день! Ты... ты нашел свой флайер?

– Нашел.

– С ним все в порядке, оставь это мне. Я вызвал команду из гаража.

Бородатый сержант полиции, сидевший за барьером, фыркнул, едва сдерживая смех.

– Может, он там, на дубе, парочку детских велосипедов высидит?

– Флайер уже внизу, – коротко ответил Этан – И штраф за дерево я уже заплатил.

– За дерево?

– Да, за ущерб.

– Надо же...

– Ну и как же было дело? – поинтересовался Этан – Почему ты в него врезался?

– Да все эти птицы проклятые, – объяснил Янос.

– Конечно, птицы! Заставили тебя пойти на снижение, да?

Янос натянуто засмеялся. Все севаринские птицы были потомками мутировавших цыплят, удравших еще от первых поселенцев и впоследствии одичавших. На кур они уже не походили несколько, а мелкость и худоба даже позволяли заподозрить в них некий новый вид, но летунами все-таки оставались неважными. В городе птиц считали чем-то вроде неизбежного зла. Украдкой взглянув на сержанта, Этан с облегчением отметил на его лице полное отсутствие озабоченности за судьбу пернатых. Платить штраф еще и за птиц, это было бы слишком..

– Ну-у... понимаешь, – сказал Янос, – мы подумали, почему бы нам их не поугадать? И, значит, подлетаем, а их там целая туча, крылышками хлоп-хлоп. А мы на них, как пикирующий бомбардировщик, бац! – Янос замахал руками, изображая геройскую атаку звездолета.

За все двести лет своей истории Эйтос ни разу ни с кем не воевал. Этан задержал дыхание и сосчитал до десяти. Слишком мало времени.

– А для поднятия боевого духа ты решил сперва выпить. Можно поинтересоваться, с кем?

– С Ником. – Янос втянул голову в плечи, ожидая неминуемого взрыва.

– Понятно... Надо полагать, это он додумался воевать с птицами?

Ник был приятелем Яноса и предводителем всех их эскапад. В минуты дурного настроения Этан не раз задумывался, ограничиваются ли отношения неразлучной парочки чисто дружескими рамками. Но теперь не время выяснять это. Взрыва не последовало, и весьма удивленный Янос расправил плечи.

Достав бумажник, Этан вежливо обратился к полицейскому:

– Сколько нужно, чтобы избавить вас от этой грозы пернатых?

– Ну, если вы хотите сразу оплатить дальнейшие расходы по ремонту флайера...

Этан отрицательно покачал головой.

– На вечернем заседании суда с ним уже разобрались, – сказал офицер. – Он свободен.

– Как? – обрадовался Этан. – И никаких штрафов? Даже за...

– Нет, штрафы, разумеется, были. – И сержант стал перечислять: – За вождение в нетрезвом состоянии, за угрозу общественной безопасности, за ущерб городскому имуществу. Еще оплата спасательных команд...

– Тебе что, дали выходное пособие? – спросил Этан, быстро прикинув итог и сравнив его с той суммой, которая была на счету брата.

– Ну-у... не совсем, – уклончиво отозвался герой-воздухоплаватель. – Ладно, поехали домой. У меня голова раскалывается.

Сержант выписал квитанцию, и Янос, не глядя, нацарапал внизу свое имя.

Шум электромобиля был хорошим предлогом, чтобы уклониться от разговора по пути домой, но Янос просчитался, поскольку Этан за это время пересмотрел свои арифметические выкладки.

– Где же ты взял деньги? – спросил он, закрывая входную дверь и мимоходом глянув на таймер в прихожей. Рабочий день начинался через три часа.

– Не переживай. – Янос запихнул ботинки под кушетку и направился на кухню. – На этот раз не из твоего кармана.

– Тогда из чьего же? Надеюсь, ты не одалживал у Ника? – не отставал Этан, следуя за ним.

– Ну, ты скажешь! Конечно, нет. Он сам в долгах по уши. – Янос вытащил из буфета банку пива, надкусил трубку и с наслаждением потянул. – Для поправки головы первое дело! Хочешь? – с хитрой улыбочкой спросил он, беззастенчиво провоцируя Этана на длинную антиалкогольную лекцию. И снова просчитался...

– Ага, – кивнул Этан.

Янос изумленно вскинул брови и передал ему пиво. С банкой в руке Этан плюхнулся на стул.

– Итак, штрафы, Янос.

Янос затравленно посмотрел на дверь, явно мечтая куда-нибудь улизнуть.

– Их вычли из моих соцкредитов, понятное дело...

– О Боже! – простонал Этан. – С тех пор как ты вернулся из армии, ты катишься все ниже и ниже... В твоём возрасте у любого хватает кредитов на статус партнера, даже без подработок!

Желание взять Яноса за шиворот и стукнуть головой о стенку он преодолел лишь потому, что нежелание вставать оказалось сильнее.

– Как я смогу оставлять на тебя ребенка, если ты собираешься продолжать в том же духе?

– Черт возьми, Этан, а кто тебя просит-то?! У меня нет времени возиться с этими какашечными фабриками. Из-за них только крест на себе ставишь. Нет, не ты, конечно. Ты-то у

нас уже готовый папочка, не то что я. В этом Центре у тебя совсем крыша поехала. А раньше с тобой было так весело!

Осознав, что небывалое терпение Этана может все-таки лопнуть, Янос попятился в сторону ванной.

– Репродукционные Центры – сердце Эйтоса, – с горечью проговорил Этан. – Все наше будущее. Но тебя ведь не волнует Эйтос, правда? Тебя вообще ничего не волнует, кроме собственной персоны!

– Э-э-э...

Судя по мимолетной улыбке, тронувшей губы Яноса, он хотел погасить гнев брата какой-то игривой шуточкой, но, взглянув на его мрачное лицо, передумал.

Внезапно Этан понял, что с него хватит. Пальцы безвольно разжались, пустая банка упала на пол и, брэнча, покатила. Он грустно усмехнулся:

– Можешь забрать себе мой флайер, когда я уеду.

Янос остолбенел, побелев как полотно.

– Уедешь?! Этан, я не хотел...

– А, да нет. Я не то хотел сказать. Ты здесь ни при чем. Просто забыл, что не успел тебя предупредить – Совет Населения срочно отправляет меня с секретной миссией. На Архипелаг Джексона. Меня не будет по меньшей мере год.

– В таком случае кого из нас ничего не волнует? – сердито спросил Янос. – Пропадаешь на целый год и только ручкой мне делаешь? А как же я? Как мне тут жить, пока ты будешь... – Он помолчал и вдруг сорвался на крик: – Этан! Ведь Архипелаг Джексона – планета?! Другая планета? И там есть эти... эти?..

Этан кивнул.

– Я отправляюсь через четыре, нет, через три дня на почтовом корабле. Оставляю тебе все свои вещи. Кто знает, что там со мною будет...

С миловидного лица Яноса слетели последние остатки хмельной беззаботности.

– Пойду приведу себя в порядок, – тихо сказал он.

Наконец успокоившись, Этан немного подремал в кресле, пока Янос не вышел из ванной.

Глава 3

Станция Клайн... Основанная триста лет назад, она поражала воображение гигантскими размерами и сложностью конструкции. Станция Клайн занимала область, через которую на разумном удалении друг от друга проходило шесть оживленнейших межгалактических трасс. У ближайшей мертвой звезды своих планет не было, и станция Клайн, окруженная стигийским холодом, в одиночестве вращалась на стационарной орбите вокруг погасшего светила.

Когда Эйтос еще только заселялся, станция уже имела богатую историю. Именно станция Клайн послужила стартовой площадкой для благородного эксперимента Отцов-основателей. Плохая крепость, но отличное место для бизнеса, она переходила из рук в руки множество раз, как только кому-нибудь из соседей требовался форпост у своих границ, не говоря уже о неиссякаемом источнике живых денег. Сейчас ей удавалось поддерживать шаткое состояние политической независимости, главным образом благодаря разветвленной системе подкупа внешних врагов, а также упорству, огромному деловому опыту и внутренней сплоченности станционеров. Сто тысяч человек жили на ее запутанных разветвлениях, а в пиковые периоды это число увеличивалось раз в шесть за счет транзитных пассажиров.

Все это Этан узнал из разговоров с экипажем почтового корабля. Команда состояла из восьми человек, исключительно мужчин, что, как выяснилось, было продиктовано отнюдь не уважением к законам и обычаям Эйтоса, а лишь тем, что женский персонал Бюро отказался отправиться в четырехмесячный рейс без права выхода на планету. Как бы то ни было, Этан получил передышку, перед тем как с головой погрузиться в галактическую культуру. Команда была с ним вежлива, но не более. Никто не пытался помочь ему полностью раскрепоститься, так что два месяца пути он провел по преимуществу в своей каюте, читая и предаваясь тревожным мыслям.

В качестве подготовки он решил прочесть все статьи из «Бетанского журнала репродуктивной медицины», написанные женщинами. На корабле, разумеется, имелась библиотека, но все ее содержимое наверняка было запрещено Цензорским Советом Эйтоса, а Этан не знал, какой именно уровень допуска полагался ему на время командировки. Лучше уж не давать себе поблажек, выдержка еще пригодится.

Женщины... В конце концов это не более чем ходячие маточные репликаторы. Он не имел четкого представления о том, являются ли женщины подстрекательницами к греху, или же грех содержится в них, как сок в апельсине. Впрочем, есть и еще один вариант – грех можно подцепить от них как вирус. Наверное, в школьные годы следовало больше внимания уделять урокам катехизиса, а не слушать, как об этом шушукуются по углам. Однако внимательнейшим образом изучив один из журналов, честно не заглядывая в список авторов, Этан так и не смог понять, где тут «женские» статьи, а где «мужские»...

Что-то тут не вязалось. Может, все дело в том, что у них другая душа, а с разумом – все в порядке? Одна статья, которую Этан без колебаний приписал мужчине, вообще, как оказалось, была написана бетанским гермафродитом – человеком такого пола, который просто не существовал, когда Отцы-основатели спасались бегством на Эйтос. Этан на минуту забылся, вообразив, какой переполох начался бы на эйтосианской таможне, возжелай подобное существо поселиться на их планете. Чиновники сошли бы с ума, решая: впустить его, учитывая мужские признаки, или же изгнать, признав наличие женских? Разбирательство затянулось бы лет эдак на сто, к каковому времени гермафродит на радость всем сам решил бы эту проблему, скончавшись от старости...

Почти такой же волокитой встретила его таможня станции Клайн. Более тщательным контрольным процедурам и микробиологической проверке Этан не подвергался еще никогда. Таможенникам, как выяснилось, было безразлично, везете ли вы контрабандное оружие, нар-

котики или политических беженцев, только бы на ваших подошвах не гнезвился какой-нибудь зловредный грибок-мутант. Когда Этан наконец получил разрешение покинуть корабль и через гибкий туннель отправился познавать неведомую Вселенную, его трясло как в лихорадке от страха и любопытства.

Неведомая Вселенная разочаровала его. Грязный, унылый грузовой причал. Этан остановился, гадая, какой же из многочисленных выходов ведет к человеческому жилью. Команда корабля была слишком занята; микробная инспекция, закончив работу, исчезла – вероятно, спешила на другое судно...

У одного из выходов, прислонясь к стене, стоял человек; его свободная поза говорила о том, что, в сущности, очень приятно ничего не делать, когда другие работают. Этан направился к нему разузнать дорогу.

Серая с белым форма была Этану незнакома, но, безусловно, принадлежала военному, о чем говорило и оружие на бедре: самый обыкновенный разрешенный на станции парализатор, но выглядит весьма угрожающе. Стройный молодой солдат окинул Этана оценивающим взглядом и вежливо улыбнулся.

– Прощу прощения, сэр, – начал Этан – и осекся. Бедра для такой худощавой фигуры слишком широкие, глаза слишком большие, подбородок слишком маленький и хрупкий, кожа гладкая, как у младенца, – это мог быть на редкость изящный юноша, если бы...

Услышав мелодичный смех, Этан смутился окончательно.

– Вы, несомненно, с Эйтоса! – проговорила она.

Этан приготовился к отступлению. Нет, данная особь была совершенно не похожа на тех пожилых женщин-ученых, чьи лица он видел в бетанском журнале. Ничего удивительного, что он ошибся. Он твердо решил избегать общения с женщинами, насколько это будет возможно – и вот сразу такая осечка...

– Как мне отсюда выбраться? – пробормотал он, затравленно озираясь по сторонам.

– А вам разве не выдали карту? – Она удивленно подняла брови.

Этан нервно замотал головой.

– Неужели? Да это же просто преступление – бросить новичка на станции Клайн без карты! Здесь можно отправиться на поиски уборной, заблудиться и умереть с голоду. Ага, вот и человек, которого я ищу. Эй! Дом! – Она помахала рукой пилоту почтового корабля, который как раз пересекал док, перекинув через плечо спортивный костюм. – Не проходи мимо!

Мужчина изменил курс; недовольство на его лице плавно сменилось выражением человека, желающего понравиться, хотя и несколько озадаченного. Он приосанился и подтянул живот – на корабле Этан его таким не видел.

– Мы с вами где-то встречались, мэм?.. Я надеюсь?

– Ну, тебе следовало бы это помнить – ты сидел рядом со мной на лекциях по катастрофам целых два года. Правда, с тех пор прошло столько времени. – Она провела ладонью по своим темным, коротко стриженным кудряшкам. – Представь себе длинные волосы... Ну же, регенерация не могла меня изменить настолько! Я Элли.

Он уставился на нее, открыв рот.

– О боги, неужели Элли Куин? Что ты с собой сделала?

– Полная регенерация лица, – сообщила она, прикоснувшись к щеке. – Нравится?

– Фантастически!

– Бетанская работа, сам знаешь – самая лучшая.

– Да, но... – Дом наморщил лоб. – Зачем? На тебя и так вполне можно было смотреть до того, как ты сбежала к наемникам. – Он ухмыльнулся так, словно исподтишка ткнул ее под ребро, хотя руки у него были сцеплены за спиной, как у мальчишки перед витриной с пирожными. – Или ты внезапно разбогатела?

Она вновь прикоснулась к лицу, но уже не так радостно.

– Нет. Я не грабитель с большой дороги. Просто пришлось это сделать. Несколько лет назад меня задело плазменным лучом в одном сражении, неподалеку от Тау Верде. Как-то смешно было ходить вообще без лица, поэтому адмирал Нейсмит, который не любит полумер, купил мне новое.

– А... – удрученно протянул Дом.

Этана не слишком волновали загадочные тонкости женской красоты, но сочувствовал он незнакомке вполне искренне: любой плазменный удар ужасен, а тогда она, наверное, была на волосок от смерти. Он снова принялся разглядывать ее лицо, теперь уже с профессиональным интересом врача.

– А разве ты начинала не с ребятами адмирала Оссера? – спросил Дом. – Это ведь его форма, так?

– А... Разрешите представиться. Командор Элли Куин. Флот дендарийских наемников, к вашим услугам! – Она по-военному кивнула, слегка покраснев. – Дендарийцы присоединили флот Оссера, со всеми людьми, сохранив и форму. Честно говоря, только с тех пор для меня начал открываться мир. Но я, сэр, впервые за десять лет приехала домой отдохнуть и намерена получить от этого удовольствие. Вертеться около старых школьных друзей и разбивать их сердца – только подтвердить предсказания тех, кто обещал, что я плохо кончу. Кстати, о плохих концах – кажется, ты оставил своего пассажира без карты.

Дом подозрительно уставился на командора наемников.

– Ты что, решила меня подколоть? Я летаю на Эйтос уже четыре года и мне осточертело каждый раз выслушивать дома все эти дурацкие шуточки!

Откинув голову, женщина захохотала. Ее смех летел ввысь, разбиваясь о перекрытия причала.

– Тайна вашей оставленности раскрыта, эйтосианин, – сказала она Этану и вновь обратилась к приятелю: – Может, я займусь им? Учитывая мой пол, меня не заподозрят в э-э-э... противоестественных наклонностях.

– Да мне-то что? – Дом пожал плечами. – Пожалуйста. Меня жена дома ждет. – Нарочито отдалившись, он обошел Этана стороной.

– Счастливо. Если не возражаешь, как-нибудь загляну к тебе в гости, ладно? – бросила ему вслед женщина.

Дом несколько разочарованно кивнул ей и зашагал по туннелю. Этан, оставленный наедине с женщиной, едва удержался, чтобы не броситься за капитаном, моля о защите. Он смутно помнил, что жажда наживы всегда считалась одной из неотъемлемых черт этой проклятой породы. А вдруг эта гарпия нацелилась на его кошелек – всю годовую валюту Эйтоса? Этан в ужасе уставился на ее парализатор.

В странных глазах женщины вновь заплясали веселые искры.

– Кажется, вы чем-то обеспокоены? Не бойтесь, я вас не съем. – И она неожиданно фыркнула. – Конверсивная терапия – не моя специальность.

В горле у Этана булькнуло. Он откашлялся и пролепетал дрожащим голосом:

– Я храню верность моему... моему Яносу. Хотите, покажу его фото?..

– Мне достаточно вашего слова, – ответила Куин. Игривое выражение на ее лице сменилось чем-то похожим на сочувствие. – Я вас действительно испугала, да? Наверное, вы еще ни разу не видели женщин?

Этан удрученно кивнул. Двенадцать туннелей, и надо же было ему нарваться именно на этот...

Элли вздохнула.

– Я вам верю, – повторила она и замолчала, задумавшись. – Думаю, вам следует нанять хорошего гида из местных. Станция Клайн пользуется отличной репутацией у путешественни-

ков – им здесь всегда готовы помочь. Без дружелюбия нет бизнеса. А я очень дружелюбный каннибал.

Этан покачал головой, вымученно улыбаясь.

Она пожала плечами.

– Ладно, когда придете в себя после «культурного» шока, я сама найду вас. Вы к нам надолго? – Она вытащила из кармана какую-то крохотную вещицу: – Вот. Это голокристалл. Их получают все пассажиры, сходящие с обычных кораблей. Возьмите, мне он не нужен.

В воздухе повисла разноцветная схема.

– Мы находимся здесь. А вам нужно сюда – в Транзитную Зону. Там расположены автостоянки, у вас будет прекрасная возможность снять номер или роскошные апартаменты, впрочем, вряд ли вы собираетесь сорить деньгами... Значит, дойдете до той секции, потом по туннелю и до второго перекрестка. Знаете, как обращаться с этой штукой? Ну, желаю удачи! – Она вложила кристалл Этану в руку и, улыбнувшись напоследок, скрылась в другом туннеле.

Этан собрал свой скудный багаж и, немного поплутав, довольно скоро нашел указанное место. По пути он встретил множество женщин. Ими кишели коридоры, стоянки, тротуары, лифтовые шахты и магазины. К счастью, никто к нему не приставал. На руках у одной Этан заметил беспомощного младенца и с трудом подавил героический порыв схватить ребенка и унести с собой. Вряд ли он сможет выполнить свое задание с младенцем на руках, да и к тому же, всех не спасешь... Позже, когда он лавировал между хохочущими детьми, которые перебежали ему дорогу и как стайка воробышков впорхнули в лифтовую шахту, ему пришлось в голову, что тот младенец мог оказаться женского пола. Это слегка успокоило его совесть.

Этан выбрал себе номер, сообразуясь с ценой, после краткого телесовещания с консьержем гостиницы, общественной компьютерной системой станции Клайн и управляющим вопросами транзита. А для того чтобы определить обменный курс эйтосианских фунтов, ему пришлось познакомиться как минимум с пятью чиновниками всевозрастающих рангов. Впрочем, обошлись они с ним вполне милостиво, найдя выигрышный способ перевода его фунтов через две валюты, о которых он никогда не слышал, в максимальное количество бетанских долларов – одну из самых твердых валют, охотно принимаемую повсюду. Но в итоге долларов все же оказалось намного меньше, чем было до этого фунтов, и от предложенного суперлюкса пришлось отказаться в пользу номера экономического класса.

Крохотная комнатка походила скорее на чулан. Но выспаться можно и здесь – в конце концов, какая разница... Сейчас, однако, спать ему не хотелось. Нажав клавишу, Этан наполнил матрас воздухом, улегся и принялся перебирать в уме полученные инструкции.

На заключительном заседании Совета было решено не посылать доктора Эркхарта с возвратом груза на Архипелаг Джексона: денег на это ушла бы уйма, а возмещение убытков казалось весьма сомнительным. Поэтому после долгих дебатов он был наделен правом самостоятельного выбора другого поставщика, исходя из последних данных, которые получит на станции Клайн.

Затем – масса попутных наставлений. Постараться быть экономнее. Купить все только самое первоклассное. Забираться так далеко, как того потребует дело. Не тратить деньги на неоправданные поездки. Избегать ненужных контактов с жителями галактики, не говорить им лишнего об Эйтосе. Просвещать жителей галактики, вербовать иммигрантов, рассказать им все о чудесной жизни на Эйтосе. Не создавать острых ситуаций. Не позволять им издеваться над собой. Приглядываться к дополнительным возможностям сделать бизнес. Помнить: использование государственных фондов в личных целях считается казнокрадством и, как такое, преследуется по закону...

К счастью, после заседания председатель поговорил с Этаном наедине.

– Это все, что они тебе тут наговорили? – кивнул он на листочки с записями, которые рассеянно перебирал Этан. – Давай-ка их сюда. Главное для тебя – закупить культуры и вернуться домой, – добавил он, швырнув бумажки в сейф. – Все остальное – чушь собачья!

Вспомнив этот эпизод, Этан воспрял духом. Улыбнувшись, он поднялся, подбросил кристалл в воздух, поймал, сунул в карман и отправился на прогулку.

Зона транзитных гостиниц наконец явила Этану станцию во всем ее блеске. Для этого потребовалось лишь прокатиться на автомобиле до самого роскошного пассажирского причала, вернуться назад, а потом еще раз пройти всю дорогу пешком. По обе стороны в огромных иллюминаторах виднелись на фоне бездонной глубины космоса многочисленные ответвления станции, залитые веселыми огнями; сверкали, плавно вращаясь, диски самых ранних секций – гравитация в них создавалась допотопным способом, за счет центробежного эффекта. Они не были заброшены – здесь не допускали полного запустения. Некоторые время от времени использовались, другие же были частично демонтированы, став материалом для новых конструкций.

Под прозрачными стенами Транзитной Зоны буйствовало зеленое великолепие лиан, деревьев и папоротников. Цвели орхидеи, тихонько позвякивали колокольчики, удивительные фонтаны били наоборот, сверху вниз, обвивая спиралями колеблющиеся мостики, – все эти трюки выделявала искусственная гравитация. Этан с четверть часа замороженно простоял у одного из фонтанов, струя которого, держась в воздухе, бесконечно текла, образуя ленту Мебиуса. А за тонкой прозрачной перегородкой на расстоянии вытянутой руки в мертвой тишине таился холод, способный в одно мгновение обратить в камень все живое... Контраст ошеломлял, и Этан был далеко не первым планетником, изумленно взиравшим на чудеса станции.

Дальше, за пределами парка, располагались кафе и рестораны, где, как подсчитал Этан, он мог бы поужинать, если бы ел один раз в неделю. Здесь же находились и отели, жители которых посещали эти рестораны четыре раза в день. А еще – театры, кабинки реальных сновидений и пассаж, который, согласно схеме, предлагал путешественнику утешение в любой из восьмидесяти шести официально признанных религий. Религия Эйтоса в их число, разумеется, не входила... Какая-то процессия – судя по всему – погребальная, проследовала мимо Этана. Некий философски настроенный субъект отверг процедуру замораживания, предпочтя микроволновую кремацию. Этан, в глазах которого все еще стоял беспросветный мрак космоса, готов был это понять: уж лучше огонь, чем вечная стужа. Затем он наблюдал довольно загадочную церемонию: хохочущие люди осыпали рисом двух главных действующих лиц – женщину в струящихся алых шелках и мужчину в искристо-голубых, а потом им перевязали запястья дюжиной разноцветных ленточек.

Добравшись до центра Транзитной Зоны, Этан подумал, что пора бы ему заняться делом... Здесь размещались посольства, консульства и коммерческие представительства планет, торговавших с космическими соседями станции Клайн. Он разыщет экспортера биопродукции, отвечающей запросам Эйтоса, потом купит билет на ту планету, и... Впрочем, от одного дня на станции у него и так голова шла кругом.

Для очистки совести Этан все же заглянул в посольство Колонии Бета. К несчастью, за компьютером с коммерческой информацией сидело существо, в котором безошибочно угадывалась женщина. Этан поспешил скрыться, пока она его не заметила. Лучше уж зайти потом – может, будет другая смена. Целый выводок консульств, представлявших крупнейшие синдикаты Архипелага Джексона, он решительно игнорировал, а компании Бхарапутра решил послать строгую рекламацию, но тоже в другой раз.

От роскошного причала, минуя разные уровни, Этан успел удалиться уже километра на два, но страсть к открытиям и не утоленное пока любопытство заставили его покинуть Транзит-

ную Зону и углубиться в район, заселенный коренными жителями. Здесь было меньше шика, зато больше уюта.

Ароматы, доносившиеся из маленького кафетерия возле мастерской по ремонту скафандров, напомнили Этану, что он ничего не ел с тех пор, как сошел с корабля. Но внутри была целая толпа женщин. Он проглотил слюну и побрел прочь. Дорога, выбранная наугад, вывела его через два спуска в узкий и довольно неопрятный торговый пассаж. Сейчас он находился не так далеко от того причала, через который прибыл на Клайн. Его странствия были внезапно прерваны запахом пережаренного жира, долетевшим из приоткрытых дверей. Этан заглянул внутрь.

В помещении царил полумрак. За столиками сидели мужчины в разномастных, в зависимости от рода занятий, рабочих комбинезонах станции. Ленивые позы свидетельствовали о том, что атмосфера здесь непринужденная и дружеская. Женщин не наблюдалось, и Этан, уже было потерявший надежду, вновь оживился. Может, тут ему удастся передохнуть и даже чем-нибудь подкрепиться, а там, глядишь, и разговор завязать. В самом деле, если вспомнить указания Департамента Иммиграции, то он просто обязан уделить часть времени пропаганде. Почему бы не начать сразу?

Отмахнувшись от чувства неловкости – сейчас не время давать волю комплексам, – он вошел в помещение. Нет, это не просто комната отдыха. Судя по запаху алкоголя, рабочий день посетителей уже закончился. Стало быть, это заведение – какой-нибудь бар или клуб, хотя и совсем не похожий на эйтосианский. Этан с тоской подумал, сможет ли он заказать здесь артишоковое пиво. Вряд ли, скорее всего на станции пиво делают из водорослей. Он подавил приступ ностальгии, облизал губы и смело зашагал к группе облепивших стойку мужчин. Обитатели Клайна наверняка видали на путешественниках куда более причудливую одежду, чем его простые эйтосианские рубашка, пиджак, брюки и туфли, но на мгновение Этан пожалел, что сейчас на нем не белый халат, который он носил в Центре, такой чистый и свежий после стирки, – одежда, которая всегда вселяла в него уверенность.

– Здравствуйте! – вежливо начал Этан. – Я представляю бюро иммиграции и натурализации планеты Эйтос. Если позволите, я расскажу вам о возможностях освоения новых земель, которые имеются у нас до сих пор...

Внезапно наступившая тишина была прервана здоровенным работягой в зеленом комбинезоне.

– Ты с Эйтоса? С планеты гомиков? Нет, серьезно?

– Не может быть, – заметил другой, в голубом. – Эти ребяташки носу не кажут со своего грязного шарика.

Третий, в желтом, произнес что-то крайне непристойное.

Этан перевел дух и стоически продолжал:

– Уверяю вас, я говорю абсолютно серьезно. Меня зовут Этан Эркхарт; я доктор репродуктивной медицины. С недавнего времени у нас сильно снизился уровень рождаемости, и...

– Еще бы ему не снизиться! – басовито захохотал Зеленый. – Давай-ка я тебе объясню, приятель, в чем тут дело!

Тип в желтом, вокруг которого алкогольные пары только что не горели, снова брякнул какую-то глупую скабрёзность. Зеленый хрюкнул и фамильярно похлопал Этана по животу.

– Ты не туда попал, эйтосианин. Пол лучше всего меняют на Колонии Бета. После операции в момент залетишь!

Желтый повторил свою фразу. Этан повернулся к нему, скрывая гнев и растерянность под маской строгой официальности.

– Сэр, боюсь, вы до обидного узко и предвзято судите о моей планете. Интимные отношения – дело сугубо личное, этот вопрос каждый решает для себя сам. К тому же у нас суще-

ствуют коммуны, члены которых, строгие последователи Отцов-основателей, дали обет воздержания. Это очень уважаемые люди.

– Тьфу! – возмутился Зеленый. – Так это ж еще паршивей!

Его собутыльники загоготали. Этан почувствовал, что краснеет.

– Извините. Я здесь проездом. Просто это единственное место на станции Клайн, где я не увидел женщин, и поэтому я подумал, что между нами возможен разумный диалог. Это действительно серьезно...

Тут Желтый разразился целым потоком непристойностей.

Это было уж слишком! Этан повернулся и с размаху ударил пьянчугу по лицу. И в ужасе замер, испугавшись собственного срыва. Такое поведение недостойно посла, он должен немедленно извиниться...

– Значит, не увидел женщин?! – зарычал Желтый, поднимаясь на ноги; его пьяные глаза горели яростью. – Значит, поэтому ты сюда вломился, сводник поганый?! Я тебе покажу!

Со спины к Этану подступили еще двое, сущие громилы. Этан задрожал, борясь с отчаянным желанием растолкать их и вырваться наружу. Надо сохранять спокойствие, и тогда...

– Да бросьте вы, мужики, – засуетился Зеленый. – Он же, наверное, просто транзитник...

От первого удара Этан сложился пополам; воздух со свистом вырвался сквозь стиснутые зубы. Двое державших заставили его выпрямиться.

– ... вот что мы делаем с такими типами, – жах! – которые тут ошиваются!

Этан почувствовал, что для извинений воздуха в нем уже не осталось. Оставалось только надеяться на то, что речь Желтого не окажется слишком длинной. Однако тот продолжал, подкрепляя каждое слово ударом:

– ... гад! скотина! вынюхиваешь тут, сволочь!..

Внезапно в его рычание вклинился высокий насмешливый голос:

– Не бойтесь последствий, ребята? А что, если он сбежит, а потом вернется со своими друзьями? Их ведь может оказаться шестеро больше, чем вас!

Этан резко оглянулся: это была та самая женщина из флота дендарийских наемников, командор Куин. Она упруго покачивалась на носках, вызываясь вскинув голову.

Зеленый выругался сквозь зубы. Желтый – во всеуслышание.

– Ладно, Зед, – сказал Зеленый и, не отрывая взгляда от лица женщины, взял приятеля за локоть. – Хватит с него, пожалуй.

Но тот стряхнул его руку.

– А тебе этот грязный сосунок кто, куколка? – осведомился он.

Женщина усмехнулась одним уголком своих восхитительных губ; работяга в голубом комбинезоне уставился на нее как зачарованный.

– Ну, допустим, я его военный советник, – ответила она.

– Любовница гомика, – заявил Желтый, – еще хуже, чем сам гомик! – Свой тезис он подкрепил потоком отборной брани.

– Зед, – пробормотал Голубой Комбинезон, – заткнись. Она же не техник, она военная. Боевой ветеран – значки видишь?

На задах комнаты началось шевеление; несколько сторонних наблюдателей осторожно потянулись к выходу.

– Ох, не люблю я пьяниц, – растягивая слова, куда-то в пространство сказала женщина, – а агрессивных пьяниц – так тех просто видеть не могу!

Желтый двинулся на нее, изрыгая бессвязную брань. Элли спокойно ждала до тех пор, пока он не пересек некую незримую границу. Внезапно раздалось жужжание и мелькнула голубая вспышка. Когда парализатор, сделав сальто в ее руке, беззвучно исчез в кобуре, Этан понял, что командор Куин специально ждала, когда Желтый приблизится на нужное расстояние: никого другого разряд не задел.

– Подреми немного! – Она вздохнула и бросила взгляд на двоих, все еще державших Этана, затем кивнула в сторону дебошира, без чувств растянувшегося на полу: – Это ваш приятель? Советую быть поразборчивей: с такими друзьями можно плохо кончить.

Этана немедленно отпустили. Колени его подкосились, и он схватился за живот, в котором пульсировала дикая боль. Элли помогла ему встать.

– Вперед, пилигрим. Позвольте проводить вас к вашему пристанищу...

– Не то я говорил, – вслух размышлял Этан. – Надо было так: ты ответишь за свои слова! Вот как надо было, или...

Командор Куин иронически скривила губы. Ну почему, с досадой подумал Этан, эйтосиане здесь служат объектом насмешек – в лучшем случае, а в худшем – от них шарахаются, как от прокаженных? Внезапно новый приступ ужаса выбил его из равновесия, с трудом обретенного не без помощи командора дендарийских наемников.

– О Боже-Отче! Это что, полиция? – Навстречу им по коридору шли двое мужчин. На них была темно-зеленая форма с небесно-голубыми нашивками, на поясе угрожающе болтались какие-то предметы.

Этан почувствовал укол совести.

– Может, мне сдаться, раз уж так? Я ведь действительно оскорбил того человека...

На губах Куин снова заиграла усмешка.

– Ну, если вы не разводите под ногтями новую породу бактерий... Это парни из биоконтроля – Экологическая полиция. Они держат в страхе всю станцию. – Замедлив шаг, она обменялась вежливыми кивками с мужчинами, прошедшими мимо, и зловещим шепотом добавила: – Команда принудительного умывания рук. Вы лучше с ними не связывайтесь: у них неограниченные полномочия выслеживать и хватать, а потом приговорят к принудительной дезинфекции без права обжалования.

– Надо думать, экология на станциях гораздо уязвимей, чем на планетах? – предположил Этан.

– Да, это все равно что балансировать на проволоке между льдом и пламенем, – согласилась она. – У кого-то есть религиозные культы, а у нас – культ безопасности. Кстати, если где-нибудь, кроме причалов, увидите пятно изморози, сообщите им об этом немедленно.

Они вернулись в Транзитную Зону. Женщина продолжала насмешливо улыбаться, но взгляд ее был слишком пронизателен, от чего Этану становилось не по себе.

– Надеюсь, этот маленький инцидент не настроил вас против всех станционеров? – спросила она. – Что, если в качестве компенсации за дурные манеры моих сограждан я приглашу вас на ужин?

А вдруг все это заранее задумано, чтобы захватить его врасплох, одинокого и беспомощного?

– Я... не сочтите меня неблагодарным, – срывающимся голосом пролепетал он, – но у меня, э-э-э... живот болит...

И это была чистая правда. Он еще раз поблагодарил командора Куин и рванул к лифтовой шахте, мечтая поскорее подняться на свой уровень. На прощание он все же сумел выдавить жалкое подобие улыбки.

Выйдя из шахты, Этан оказался на бульваре и тут же юркнул за какую-то абстрактную скульптуру, окруженную кустарником. Он выждал, следя за дорогой сквозь листву, пока не убедился, что Элли не преследует его. Наконец-то расслабившись, он опустился на скамейку. Опасность миновала.

Этан глубоко вздохнул, поднялся и медленно побрел вверх по бульвару. Тесный номер в отеле представлялся ему теперь очень даже уютным. Заказать что-нибудь легкое по комму

прямо из номера, принять душ – и в постель. Больше никаких авантюр. Завтра же приступить к делу. Собрать все данные, выбрать поставщика и вылететь первым же подходящим рейсом...

По эспланаде к нему с улыбкой приближался мужчина, одетый по моде какой-то неизвестной планеты.

– Доктор Эркхарт? – спросил он, схватив Этана за руку.

Этан неуверенно улыбнулся в ответ – и дернулся, собираясь громко, возмущенно протестовать: в руку вонзилась игла. Сердце бешено заколотилось, губы свело судорогой, в глазах все поплыло и крика не вышло. Мужчина бережно подвел его к автомобилю, поджидавшему в туннеле.

Этану казалось, что наступила невесомость, и он очень надеялся, что мужчина не бросит его, иначе он беспомощно взлетит под потолок и будет висеть там вниз головой, как позабытый воздушный шарик. Зеркальный колпак кабины плавно опустился над его головой...

Глава 4

Очнулся Этан в гостиничном номере, куда более просторном и комфортабельном, чем его собственный. Мысли его были тягучими, как струйка меда, а сам он пребывал в сладкой, глубокой эйфории. Все вокруг казалось таким милым, очаровательным и очень забавным. Лишь где-то далеко, под сердцем или в горле что-то выло, визжало и отчаянно скреблось, словно зверек, запертый в тесной клетке. Сознание безразлично зафиксировало, что он крепко привязан к жесткому пластиковому стулу, а мышцы спины, рук и ног обжигает боль. Ну и ладно. Что с того?

Куда интереснее было разглядывать владельца номера, который появился из ванной, энергично вытирая полотенцем влажное покрасневшее лицо. Серые глаза, похожие на осколки гранита, крепкое сложение, средний рост – он очень смахивал на человека, похитившего Этана, который сидел тут же на гидравлическом стуле, внимательно наблюдая за пленником.

Похититель обладал столь заурядной внешностью, что даже глядя прямо на него, Этан не мог мысленно охарактеризовать его черты. Зато его скелет Этан наистраннейшим образом видел насквозь, словно на рентгенограмме. Этан с удивлением обнаружил, что в костях этого человека содержится вовсе не костный мозг, а лед, твердый как камень, такой же, как за пределами станции. Интересно, каким образом замороженный костный мозг может производить красные кровяные тельца? – подумал Этан. Его, как медика, это весьма озадачило. Может, по венам похитителя течет жидкий азот? И все же эти люди были так несказанно милы, что Этану хотелось их просто расцеловать!

– Он под кайфом, капитан? – спросил мужчина с полотенцем.

– Так точно, гем-полковник Миллисор, – ответил второй. – Я ввел ему максимальную дозу.

Первый удовлетворенно хмыкнул и швырнул полотенце на кровать, где уже была аккуратно сложена одежда Этана и все содержимое его карманов. (Только сейчас до Этана дошло, что он совершенно голый.) Отдельно на кровати лежало несколько мелких монет, расческа, пустая упаковка из-под изюма, голокристалл с картой и кредитная карточка.

– Ты проверил, все чисто? – спросил гем-полковник.

– Ха. Почти, – ответил «ледяной» капитан. – Взгляните на это.

Он взял голокристалл, вскрыл оправу и прикрепил над микросхемой электронный увеличитель.

– Видите эту черную точку? Здесь была капля кислоты в поляризованной липидной мембране. При взаимодействии с изучением моего сканера мембрана деполаризовалась и лопнула, а кислота все выжгла. Наверняка тут стоял радиомаячок, а может, и записывающее устройство. Чистая работа: микросхема шумит – и «жучка» не слышно! Он агент, это точно.

– Ты успел запеленговать приемник?

Капитан виновато покачал головой.

– К сожалению, нет. Как только я его обнаружил, он самоуничтожился и связь была прервана автоматически. Но зато теперь они нас не выследят. Они не знают, где находится их шпион.

– И кто же такие эти «они»? Терренс Си?

– Будем надеяться, что да.

Главный, которого похититель назвал гем-полковником, снова хмыкнул, подошел к Этану и уставился ему прямо в глаза.

– Как тебя зовут?

– Этан! – жизнерадостно ответил Этан. – А вас как?

Но собеседник отверг дружелюбное приглашение пообщаться.

– Полное имя и звание.

В сознании Этана что-то щелкнуло, и он браво отчеканил:

– Старший сержант Этан СДБ-8 Эрхарт, Третий полк. Медицинская служба, Ю-221-767, сэр!

Выпалив это, он подмигнул допрашивавшему (который от неожиданности даже попятился) и, немного погодя, добавил:

– В отставке.

– Разве ты не врач?

– О да! – гордо подтвердил Этан. – На что жалуетесь?

– Терпеть не могу этот суперпентотал! – буркнул полковник, обернувшись к подчиненному.

Капитан сдержанно улыбнулся.

– Да, но во всяком случае, всегда знаешь, что они ничего не скроют.

Поджав губы, полковник вздохнул и снова повернулся к Этану.

– Тебе назначил здесь встречу Терренс Си?

Этан недоуменно захлопал ресницами. Встречался ли он с Теренси? Единственный Теренси, которого он знал, работал медтехником в Репродукционном Центре.

– Так ведь его сюда и не посылали, – объяснил он.

– Кто его сюда не посылал? – резко переспросил полковник, весь обратившись в слух.

– Совет.

– Черт! – занервничал капитан. – Неужели он нашел себе новую крышу сразу после провала на Архипелаге Джексона? На это у него не было ни времени, ни денег! Я предусмотрел любую...

Главный поднял руку, требуя тишины, и вновь подступил к Этану:

– Итак, Терренс Си. Расскажи мне все, что ты о нем знаешь.

Этан беспрекословно подчинился, но уже через несколько минут был прерван сердитым окриком:

– Хватит!

– Наверное, не того взяли... – уныло заметил капитан. Полковник бросил на него гневный взгляд и он поспешно предложил: – Попробуйте другую тему. Спросите его о культурах...

Полковник набрал в грудь воздуха:

– Человеческие яйцеклеточные культуры, доставленные на Эйтос из Лабораторий Бхарапутра. Что вы с ними сделали?

Этан принялся описывать во всех подробностях тот злополучный день. К его превеликому огорчению, собеседников это нисколько не позабавило. А ведь он так хотел их развеселить...

– Опять какая-то чушь! – констатировал капитан. – Что за бред он несет?

– Может, он сопротивляется? – вдруг осенило полковника. – Увеличь дозу.

– Опасно, если вы все еще намерены отпустить его с провалом в памяти. У нас и так осталось мало времени. По плану следовало закончить с этим уже давно.

– План, возможно, придется изменить. Если груз доставлен на Эйтос и уже распределен, у нас не останется иного выхода, кроме военного вторжения. И начать его следует не позже, чем через семь месяцев, иначе вместо избирательной бомбардировки Репродукционных Центров нам придется выжечь всю эту проклятую планету дотла.

– Не велика беда, – пожал плечами капитан.

– Большие затраты. И очень трудно избежать огласки.

– Нет живых – нет и свидетелей!

– Даже при массовом уничтожении всегда остаются живые. Хотя бы среди победителей...

В глазах у полковника появился какой-то странный блеск, и капитан немедленно умолк.

– Подбавь ему! – приказал полковник.

В руку Этана снова вонзилась игла. Методично и без передышки ему задавали подробные вопросы о грузе, о задании, о начальстве, месте работы и ближайшем окружении. Этан болтал без умолку. Комната то увеличивалась, то уменьшалась; у него было такое ощущение, словно его вывернули наизнанку, чтобы весь мир полюбовался его внутренностями, а глаза вывинтились из орбит и теперь смотрят друг на друга.

– О, как я всех вас люблю! – проникновенно заявил Этан, когда в разговоре наступила короткая пауза, и от избытка чувств облевал перед собой пол.

В сознание он пришел от воды, лившейся ему на голову.

Теперь в ход пошел новый препарат, от которого все его нервные окончания словно обнажились. К телу в местах наибольшей чувствительности прикрепили контакты, не оставлявшие следов, но причинявшие адскую боль. Он рассказал все, что знал, абсолютно все, и охотно выдал бы любую государственную тайну, если б мог догадаться, чего им надо. Наконец все потонуло в приступе дичайших конвульсий. Сердце отчаянно забилося и начало останавливаться. Этан потерял сознание. Только тогда они прекратили пытку.

Этан обмяк на стуле, часто дыша и не сводя огромных невидящих глаз со своих мучителей.

Главный с отвращением посмотрел на него.

– Вот дьявол, Рау! Мы потратили впустую уйму времени. Груз, который они получили на Эйтосе, явно не тот, что был отправлен из Лабораторий Бхарапутры. Похоже, Терренс Си где-то его подменил. Теперь разыскивай это сокровище по всей галактике!..

Капитан застонал.

– На Архипелаге Джексона все было уже почти в наших руках. Так нет же! И все-таки это должен быть Эйтос. Мы все сошлись на Эйтосе.

– Разве что какой-нибудь сложный тройной план... – Полковник устало потер затылок; с того момента, когда Этан увидел его впервые, он сильно сдал. – Покойный доктор Джахар неплохо поработал. Терренс Си оправдал почти все его надежды. Вот только с лояльностью у него что-то оказалось неважно... Ну а из этого мы больше ничего не выжмем. Ты уверен, что та точка на микросхеме не была просто грязью?

Капитан оскорбление поднял брови и так брезгливо посмотрел на Этана, словно тот был комком глины, прилипшим к подошве его ботинка.

– Это была не грязь. Но и этот придурок – не агент Терренса Си! Думаете, его можно использовать в качестве подсадки?

– Если бы он был агентом, – с досадой сказал полковник, – стоило бы попробовать, но, поскольку он явно не агент, то не представляет для нас ни малейшей ценности. – Он бросил взгляд на свой хронометр. – Боже мой, неужели мы провозились с ним целых семь часов?! Теперь уже слишком поздно устраивать потерю памяти. Скажи Оките, пусть выведет его куда-нибудь и организует несчастный случай.

На грузовом причале было холодно. В мягком свете прожекторов блестели серебром груды оборудования, островками возвышавшиеся среди густого мрака. Где-то наверху смутно виднелось ажурное переплетение мостков и порталов. Туда вела металлическая лестница, и конвоир заставил Этана преодолеть несколько маршей. Потолок был словно оплетен огромной паутиной, а таинственные механизмы свисали с балок перекрытия, как высохшие жертвы паука.

– Ну вот, здесь вроде достаточно высоко, – пробормотал человек по имени Окита. Внешность у Окиты была столь же невыразительной, что и у капитана Рау, но он отличался от прочих весьма внушительным телосложением. Окита надавил Этану на плечи и заставил опуститься на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.